

Глядя на приунывшего супруга, который сейчас напоминал побитый зазимком баклажан, Фан Чжуншань едва сдержал улыбку.

— Хорошо, я мигом. Жди меня здесь и не балуй.

С этими словами он развернулся и вышел за дверь.

Кухня ютилась по соседству с западной спальней, всего через комнату от их опочивальни. Фан Чжуншань шагал размашисто и быстро, так что добрался туда в один миг. Здешние деревенские в еде были неприхотливы, и домашний очаг семьи Фан это лишь подтверждал: простой кирпичный очаг, охапка дров у стены да кладка, за долгие годы успевшая закоптиться и пожелтеть от печного угара.

Фан Чжуншань подошел ближе и коснулся плиты — та оказалась совершенно ледяной. Тут-то он и вспомнил, что в деревне Речного Отдыха для свадеб и тризн обычно нанимали бродячих поваров, которых в округе звали уличными кашеварами.

Эти умельцы редко где оседали надолго. Они кочевали по деревням, таская на спинах огромные котлы да нехитрую утварь. Если у кого намечалось пиршество, хозяева сами несли мясо и овощи, а повара лишь заправляли всем у очага. Плату они брали скромную: шматок жирной свинины или десяток медных монет — вот и все расходы.

Хотя семья Фан и не трубила на всю округу, что берут в дом молодого шуаньэр для отведения беды, незваных гостей все равно набилось порядочно. И нанять уличного повара оказалось лучшим выходом. Своим же очагом за ненужностью пользоваться не стали.

Вздохнув, Фан Чжуншань окинул взглядом холодную плиту, растерявшись от собственной непредусмотрительности. Пошарив по полкам, он наконец отыскал в чистом буфете пару пресных лепешек из неочищенного риса. Заглянув в топку, он обнаружил, что под золой еще теплятся едва заметные угли — их специально оставляли, чтобы облегчить следующую растопку.

Чтобы накормить голодного шуаньэр, двух лепешек явно не хватало. Фан Чжуншань наскреб сухой соломы, бросил на тлеющие искры и принялся раздувать пламя. К его удивлению, огонь занялся со второй попытки.

Сухая листва и стебли затрещали, выбрасывая струю едкого сизого дыма, от которого Фан Чжуншань зашелся в кашле.

Провозившись у плиты, он разогрел лепешки на пару, а затем на скорую руку сварил миску простой лапши в прозрачном бульоне. Уставив нехитрый ужин на облупившийся деревянный поднос, мужчина поспешил обратно.

Когда перед Цзян Жаном опустилась дымящаяся миска и теплые лепешки, голодный юноша шумно сглотнул слюну.

Изнывая от голода, Цзян Жан все же не решался прикоснуться к палочкам и лишь робко, преданно смотрел на своего спасителя.

Под этим просящим взглядом Фан Чжуншань невольно улыбнулся и пододвинул миску ближе к нему:

— Ешь, пока горячая. Остынет — будет невкусно.

Получив дозволение, Цзян Жан просиял. Схватив бамбуковые палочки, он принялся торопливо, но на удивление опрятно уплетать лапшу. Видно было, что, несмотря на бедность, манерам его учили.

Вскоре миска опустела, а лепешки исчезли без следа. Сыто зажмурившись, юноша утер рот рукавом и смирно устроился на постели, поглядывая на мужа.

В отличие от нового отчима Господина Юаня и родного отца, этот великан по крайней мере не распускал руки и не жалел для него еды. Страх постепенно отступал.

Заметив, что юноша больше не дрожит, словно пойманный воробей, Фан Чжуншань мягко заговорил:

— Я знаю, что тебя отдали мне ради обряда отведения беды. Наверняка ты и думать об этом не хотел. Но не бойся, я не стану тебя принуждать или обижать. А если кто посмеет косо на тебя взглянуть — только скажи, я быстро поставлю наглеца на место.

Вспомнив, как грубо обошелся с сыном старик Цзян, Чжуншань хмыкнул и добавил:

— А что до твоего папаши и злого отца... Забудь о них. Жалкие комедианты, не заслуживающие даже взгляда.

В родном доме отец и Господин Юань были непререкаемым законом. Цзян Жан не то что спорить — пикнуть против них не смел. И то, как легко Фан Чжуншань назвал этих тиранов ничемными шутами, поразило его до глубины души. Слухи ввали: этот человек совсем не походил на того грубияна, о котором шептались в деревне.

Заметив восторженный взгляд своего шуаньэр, Фан Чжуншань улыбнулся. Памятуя о том, как легко тот позволял себя забивать, он строго погрозил пальцем:

— И если в деревне кто-то вздумает тебя задевать — не смей молчать. Отныне...

Мужчина на мгновение запнулся, подбирая непривычное слово, но все же договорил:

— Отныне у тебя есть муж. И я всегда за тебя заступлюсь.

Глаза Цзян Жана счастливо заблестели. Он послушно кивнул, придвигаясь к Фан Чжуншаню чуть ближе. С каждым словом его природная робость уступала место детской непосредственности.

Время летело незаметно. Обед давно миновал, сумерки медленно опускались на деревню, и хмельные гости понемногу расходились со двора. Старая госпожа Фан, беспокоясь, как бы внук не остался голодным, припрятала для него лучшую часть угощений и велела Фан Чжунси отнести их молодым.

Притащив ужин, Фан Чжунси долго мялся у дверей новобрачных. Наконец, решившись, он выудил из-за пазухи изрядно пропотевшую книжицу в тонком пожелтевшем переплете и с заговорщицким видом впихнул ее брату в руки.

— Вот, — веско шепнул он, — зайдешь в комнату — изучи хорошенько.

Фан Чжуншань озадаченно принял подарок. Бумага была настолько древней, что при малейшем движении с краев осыпалась мелкая труха. Судя по всему, эта книга с тонкими желтыми страницами за долгие годы перебивалась в десятках мозолистых рук.

Он невольно изумился. По воспоминаниям прежнего владельца тела, деревня Речного Отдыха была самым обычным захолустьем, где грамоту знали от силы пара местных книжников, а остальные едва умели нацарапать свое имя. Да и сам прежний Фан Чжуншань, хоть и посещал когда-то школу, учиться не любил, оставшись полуграмотным увальнем. Зачем же старший брат сует ему это сокровище?

Фан Чжунси тем временем замялся, но все же выдал смущенно:

— Хоть он и шуаньэр, а мужское лицо терять негоже. Иначе пойдут по деревне слухи, что ты... не годеи.

Последнее слово он выпалил так невнятно и торопливо, что Фан Чжуншань даже не разобрал.

Не успел он расспросить подробнее, как Фан Чжунси, чувствуя себя избавителем семейства от позора, поспешно ретировался. Фан Чжуншань остался стоять на пороге в полном недоумении.

Во дворе совсем стемнело, и, не имея возможности разобрать содержимое, Фан Чжуншань вернулся в дом. Усевшись под тусклым огоньком масляной лампы, он развернул книжицу и взгляделся в пожелтевшую страницу.

К его величайшему изумлению, в этом «труде» не оказалось ни единой строчки. На полях красовались лишь наброски — схематичные фигурки, сплетенные в самых причудливых позах.

Один стоит, другой лежит, этот сверху, тот снизу... Несмотря на простоту линий, суть происходящего передавалась настолько красноречиво и недвусмысленно, что у Фан Чжуншаня, в своей прошлой жизни прожившего двадцать с лишним лет убежденным холостяком, глаза полезли на лоб.

Из ступора его вывел робкий голос оголодавшего супруга:

— Старший брат Чжуншань...

Встрепенувшись, мужчина лихорадочно запихнул непристойную брошюру под подушку.

Заметив его суету, Сяо Жан с любопытством склонил голову набок:

— Что это ты там прячешь?

Даже ко всему привычный Фан Чжуншань почувствовал, как к щекам приливает жар. Он кашлянул и выдавил как можно невозмутимее:

— Да так, пустяки. Брат принес ужин, садись скорее за стол, пока все теплое.

Цзян Жан лишь лукаво прищурился. Ну уж нет, его не обмануть! Он своими глазами видел, как Фан Чжуншань прятал книжку.

В этих делах юный шуаньэр смыслил мало, но в свое время успел втайне послушаться откровений от своего близкого друга.

Тот друг, такой же шуаньэр по имени Цзян Мо, уже несколько лет жил в браке и частенько нашептывал ему секреты супружеской спальни. Цзян Мо рассказывал, что в первую брачную ночь старшие родственники всегда тайно вручают мужу особую книжицу с картинками. Стоит супругам повторить нарисованное, как между ними исчезают любые преграды. По словам друга, это было «невероятное, ни с чем не сравнимое удовольствие» — словно летишь на крыльях прямо к небесам.

Пусть они знали друг друга всего ничего, Фан Чжуншань успел понравиться Цзян Жану, и юноша был совсем не прочь сблизиться с ним.

Вот только, судя по поведению мужа, тот разделять этот порыв не торопился.

Цзян Жан уныло повесил нос, и даже ароматный ужин показался ему безвкусным.

Молчаливая трапеза прошла в неловком напряжении. В мыслях Фан Чжуншаня то и дело всплывали бесстыдные фигурки, нарисованные тушью, разжигая ненужное воображение. Не выдержав, он поднялся из-за стола, наскоро придумал какой-то предлог и выскочил во двор. Опрокинув на лицо ведро ледяной колодезной воды, он немного пришел в себя и торопливо ополоснулся прямо у колодца.

Ночи в начале лета стояли душные. Цзян Жан, измученный долгим свадебным днем, наверняка обливался потом и чувствовал себя скверно. Заботясь о его удобстве, Фан Чжуншань вернулся в кухню, согрел воды и притащил в комнату новенький, еще не использованный деревянный чан для купания.

Покачав воду пальцем и ощутив приятное тепло, Цзян Жан повеселел. Значит, муж все-таки заботится о нем!

Чтобы не смущать юношу, Фан Чжуншань деликатно удалился на улицу, заявив, что хочет полюбоваться ночным небом.

Новая кадка оказалась глубокой и просторной — Цзян Жан поместился в ней без труда. Окутавшись мягким паром, он блаженно зажмурился, а затем, плеснув водой, звонко крикнул в сторону двери:

— Старший брат Чжуншань! Тут столько места! Может, зайдешь и искупаешься со мной?

Он позвал еще дважды, но ответом ему был лишь стрекот ночных цикад. То ли муж действительно увлекся созерцанием звезд, то ли попросту притворился глухим.

С досады Цзян Жан с силой хлопнул ладонью по воде, расплескивая капли на дощатый пол, но этот бунт быстро утих.

Наскоро смыв дорожную пыль, Цзян Жан накинул легкое исподнее платье и распахнул дверь.

Ночь давно вступила в свои права. Фан Чжуншань, привыкший к строгому распорядку, негромко произнес:

— Уже поздно. Ложись спать.

К счастью, брачное ложе оказалось широким. Мужчина уложил Цзян Жана у стены, а сам примостился с краю, избегая лишних прикосновений.

Уткнувшись носом в мягкую подушку, Цзян Жан никак не мог унять рой мыслей в голове.

"Неужели старший брат действительно не получал ту книжку? Как же родня Фан упустила такое важное дело? Да нет же, точно получил и спрятал... Но зачем прятать?"

"Неужто все именно так, как рассказывал Цзян Мо? Вдруг некоторые ханьцзы на самом деле... не могут?"

Цзян Мо, успевший за годы замужества повидать всякое, делился с ним самыми невероятными слухами, и теперь эти рассказы казались пугающе близкими к истине.

Поворочавшись с боку на бок, Цзян Жан незаметно для себя придвинулся ближе к теплому плечу мужа и под мерное дыхание Фан Чжуншаня наконец погрузился в глубокий сон.

<http://bllate.org/book/19394/1950708>